

RU

Феномен неопределенности: философские и научные проблемы осмысления

Ополев П. В.

Аннотация. Работа посвящена проблемам концептуализации и репрезентации понятия «неопределенность» в философии и науке, анализу антропологических практик снятия неопределенности в рамках человеческой деятельности. Исследование уделяет внимание «допонятийным» (миф, ритуал, жизненный мир) и логико-рефлексивным формам неопределенности. Новизна и значимость работы заключаются в обобщении, систематизации и концептуализации представлений о неопределенности как имманентном свойстве действительности, которое проявляется как на уровне бытия, так и на уровне познания и человеческой деятельности. Автор приходит к выводу о том, что неопределенность имеет статус междисциплинарной категории, открывает новые перспективы понимания неопределенности, динамики сложных социотехнических систем, места человека в условиях усложняющегося современного мира.

EN

The phenomenon of uncertainty: philosophical and scientific problems of comprehension

P. V. Opolev

Abstract. This work is devoted to the problems of conceptualizing and representing the concept of "uncertainty" in philosophy and science and to the analysis of anthropological practices of removing uncertainty within the framework of human activity. The study pays attention to "pre-conceptual" (myth, ritual, life-world) and logical-reflexive forms of uncertainty. The novelty and significance of the work lies in the generalization, systematization, and conceptualization of ideas about uncertainty as an immanent property of reality, which manifests itself both at the level of being and at the level of cognition and human activity. The author comes to the conclusion that uncertainty has the status of an interdisciplinary category, opens up new perspectives for understanding indeterminacy, the dynamics of complex socio-technical systems, and the place of humans in an increasingly complex modern world.

Введение

Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления современности в условиях трансформации человеческого бытия. В ситуации возрастающей сложности современного мира риски, катастрофы оказывают существенное воздействие на стратегии существования человека, что требует переосмысления моделей и подходов к неопределенности. В условиях современности неопределенность видится как имманентное свойство современного социотехнического пространства, что требует поиска векторов ее переосмысления. В настоящее время на смену классическим детерминистическим моделям неопределенности приходят вероятностные, нелинейные, «сложностные» (Ополев, 2016, с. 20) парадигмы мышления. Возникает необходимость проследить трансформацию представлений о неопределенности, ее онтологических, натурфилософских, естественнонаучных и антропологических интерпретаций.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи. Во-первых, выявить базовые проблемы интерпретации понятия «неопределенность». Во-вторых, зафиксировать трансформации понятия «неопределенность» в историко-философской традиции и научном контексте. В-третьих, обозначить антропологические характеристики неопределенности. В-четвертых, выделить «допонятийные» формы неопределенности. В-пятых, обозначить логико-рефлексивные формы неопределенности.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод, что позволяет рассматривать неопределенность как динамическую, междисциплинарную категорию, связанную с противоречиями между

необходимостью и случайностью, порядком и хаосом. Также в работе используются методы историко-философской реконструкции для анализа эволюции и трансформации представлений о неопределенности в классической и неклассической философии. Синтез современных научных и философских концепций позволяет выявить междисциплинарный потенциал неопределенности в осмыслении проблем, которые не могут быть однозначно локализованы ни в науке, ни в философии. Экзистенциально-антропологический подход позволяет прояснить роль неопределенности в различных формах человеческой деятельности.

Теоретической базой статьи послужили философские и научные концепции, раскрывающие природу неопределенности в контексте онтологии, эпистемологии и социокультурных практик. Исследование предполагает обращение к представителям классической (Гераклит Эфесский, 2012; Аристотель, 1978; Аверроэс, 1999) и неклассической философии (Богданов, 1989; Хайдеггер, 1997; Харман, 2021), представителям кибернетики (Винер, 1958) и синергетического подхода (Князева, Курдюмов, 1997; Пригожин, 1991). Реконструкция «допонятийных» аспектов сложности опиралась на исследования в области психологии (Валлон, 1956; Пиаже, 2004; Фрейд, 2008) и антропологии (Леви-Брюль, 2020).

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что оно предлагает проблематизацию феномена неопределенности, расширенный взгляд на ее место в современной картине мира. В эпоху глобальных трансформаций понимание природы неопределенности становится ключом к формированию устойчивых стратегий мышления как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Признание неопределенности в качестве имманентного свойства действительности позволяет переосмыслить традиционные дихотомии порядка и хаоса, необходимости и случайности, открывая путь к более гибким и конструктивным формам познания изменчивой современности.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов для решения актуальных проблем, связанных с управлением неопределенностью в различных сферах человеческой деятельности и социотехнических системах. Признание того, что неопределенность является фундаментальным свойством действительности, охватывающим все уровни, может быть полезным в социальном проектировании, оценке управленческих рисков. Результаты исследования могут быть включены в программы высшего образования (по менеджменту и социальным наукам) для формирования компетенций работы в условиях неопределенности. Обоснование различных форм неопределенности в человеческой деятельности открывает перспективы для изучения ее роли в процессах принятия решений (в том числе и для создания архитектур релевантных моделей ИИ).

Обсуждение и результаты

Что же такое неопределенность? По мысли И. Стюарта, «неопределенность – это не просто знак нашего незнания, это то, из чего соткан мир» (2021, с. 8). Примечательно, что в специализированных словарных изданиях мы зачастую не встретим определения понятия «неопределенность» (Современный философский словарь, 2020). Вместе с тем рефлексия отказа от «идеи принудительной каузальности» нашла свое развитие в многообразных концепциях «неодетерминизма» (Можейко, 2001, с. 687-692). Историю науки (впрочем, как и философии) можно описать как преодоление неопределенности относительно устройства действительности посредством познавательной деятельности. В философии истина во все времена рассматривается как нечто оформленное и ясное. Мир идей в философии Платона лишен всякой неопределенности. Выражение «неопределенная истина» звучит как оксюморон. При всем этом диалектика относительной и абсолютной истины говорит о том, что проблематика неопределенности носит саморефлексивный характер. Любое суждение, претендующее на истину, открывает нам действительность, но никогда не исчерпывает ее. Получается, что истина всякий раз указывает на потенциальную неопределенность. Если бы человек изначально был погружен исключительно в «определенность», то познавательный процесс был бы невозможен. Если бы человек не имел представления о чем-то наверняка, то познавательный процесс не мог бы быть инициирован. Получается, что сам факт движения нашего мышления в поисках истины также оказывается обусловлен неопределенностью. В конце концов, обнаружение неопределенности предполагает «*cogito*», определенность бытия собственного сознания.

Неопределенность как категория и ее интерпретации

В рамках философии рефлексия неопределенности оказывается связана с диалектикой понятий случайность и необходимость (объективная неопределенность), со спектром субъект-объектных и субъект-субъектных отношений (субъективная неопределенность). Неопределенность может быть задана как объективной ограниченностью наших познавательных способностей, так и особенностями самого объекта, вплетенного в систему устойчивых, закономерных связей (и в этом смысле «необходимых»), вне которых он не существует. Так, сложность и многообразие действительности способствует неопределенности в попытке ее упорядочить как в процессе деятельности, так и в процессе познания. Неопределенность оказывается также связанной с субъективным фактором, например, тем, что мышление опосредованно языком. Мысль в своей языковой форме порождает многозначность, что требует интерпретации. Получается, что человек никогда не может быть уверенным в том, что его поняли правильно. Кроме того, возникает вопрос: насколько моя мысль соответствует сказанному? В этом смысле очевидно, что человек в течение жизни имеет дело с самыми разными аспектами и формами неопределенности.

Обратим внимание на спектр семантических значений прилагательного «определенный». Определенный, значит, твердо установленный, сложившийся, ясный, известный, понятный, бесспорный. Слово «определенный» косвенно указывает на упорядоченность наших представлений о природе вещей. Определить нечто, значит, указать на сущность. Определить – значит включить в «предел» нашего видения действительности, установить границу между вещами и явлениями. Все, что нами «не определено», как бы выпадает из мира, оказывается за пределами доступной нам действительности. Добавление отрицательной частицы «не» указывает, что неопределенность связана с чем-то неизвестным, не сложившимся и до конца не установленным. Выстраивая ряд синонимов к слову «неопределенный», можно указать на слова «вероятный», «непредсказуемый», «сомнительный», «смутный», «зыбкий» и др. Большая часть возможных интерпретаций слова «неопределенный» указывает на неизвестность, беспорядок, нечто несложившееся, неоформившееся.

Принцип определенности имеет и формально-логическую интерпретацию. Законы формальной логики запрещают неопределенность в процессе рассуждения. Определенность и непротиворечивость составляют одну из фундаментальных черт логического мышления. Нарушение закона тождества («не означать что-то одно – значит ничего не означать») (Аристотель, 1976, с. 127) приводит к неопределенности, что в данном случае означает логическую ошибку. Понятие «точность» в математике указывает на качественную характеристику средств измерений, позволяя нам получать информацию о мере определенности и неопределенности. Количественная оценка возможности наступления некоторого события («вероятность») позволяет успешно включать неопределенность в научную картину мира.

Продолжая при необходимости приведенный выше синонимический ряд, мы обнаружим, что некоторые из возможных синонимов искомого слова «неопределенный» имеют явный антропологический оттенок. Богатство оттенков естественного языка указывает на то, что человечество имеет дело с неопределенностью на протяжении всего периода своего развития. Человечество в условиях борьбы за выживание всегда стремится к определенности, но, впрочем, никогда ее не достигает в полной мере. Потребность в определенности в контексте эволюционной эпистемологии может быть описана как имманентное свойство живого. Действительно, условия существования некоторых живых организмов требуют точно заданных параметров. Живое зачастую оказывается привязано к строго определенным условиям своего обитания, вне которых оно существовать и размножаться не может. Вместе с тем мы наблюдаем, что по мере усложнения живых организмов способность существовать в условиях неопределенности значительно расширяется. Эволюция может быть описана как способ «снятия» неопределенности посредством выработки адаптивного ответа.

Неопределенность в историко-философской традиции и научном контексте

Принято считать, что проблема неопределенности оформляется в течение XX века вследствие скачка в развитии научного познания, становления вероятностной картины мира, формирования неклассической научной рациональности. Вместе с тем вопросы о природе порядка («космоса»), наблюдаемого в эмпирической действительности, ставились еще в рамках древнегреческой философии. Так, философская концепция Левкиппа-Демокрита отрицала существование объективной случайности и предполагала, что многообразие мира объясняется бытием неделимых атомов (олицетворяющих нижний предел делимости), движущихся в пустоте (Лурье, 1970). Античный мыслитель Гераклит Эфесский (2012, с. 126, 143) в основании бытия усматривал «логос» – вечную и всеобщую необходимость, которая несмотря на изменчивость («все течет»), позволяет поддерживать устойчивость космоса. Идеи разумной необходимости нашли свое отражение в этике стоицизма («желающего судьба ведет, нежелающего – тащит») (Сенека, 1986, с. 228). Аристотель также отрицал случайность, полагая, что «сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть» (1978, с. 102).

В средневековой философии проблема неопределенности получала свое развитие в рамках теологического дискурса и смещалась в сторону взаимосвязи божественного предопределения (действие «промысла», «провидения») и человеческой воли. Неопределенность есть следствие несовершенства (по отношению к божественной природе) человеческого разума. Для Бога никакой неопределенности (как и детерминизма) нет, так как Он существует вне времени, вне истории и вне какой-либо природной необходимости. Арабский философ и ученый Аверроэс (1999) допускал наличие естественной случайности, которая, тем не менее, соответствовала божественным установлениям. Средневековый философ схоласт Иоанн Дунс Скот одним из первых вводит понятие «контингентность», которое близко по смыслу к понятию «случайность» (Майоров, 2001). Все тварное сущее контингентно, что означает: оно могло бы не быть или быть каким-либо иным, если бы на то была воля Бога. В этом смысле принцип причинности не абсолютен, а человек обладает свободой воли, которая привносит в этот мир еще больше неопределенности. Примечательно, что в современной науке образ «Бога играющего в кости» используется как противопоставление Вселенной, понятой в качестве гигантской заводной игрушки.

По мере развития философии и науки возникает целый ряд вопросов: является ли неопределенность выражением онтологической природы действительности, фундаментальным свойством реальности либо следствием несовершенства нашего познавательного инструментария, отсутствием понимания подлинной природы вещей? На фоне развития математики, механики и естественных наук в целом возникает необходимость квантификации представлений о неопределенности.

В настоящее время наука и философия переосмыслили понятие неопределенности: из досадного препятствия на пути познания неопределенность превратилась в фундаментальный, имманентный принцип мироустройства, который находит свою концептуализацию в рамках научных теорий. Данный сдвиг фундирован кризисом классического детерминизма, вызванный развитием статистической физики (концепция броуновского движения), термодинамики (идея энтропии), теории относительности (отказ от идеи субстанционального пространства и времени). В конце концов, были обнаружены математические ограничения на потенциал предсказуемости математических моделей (например, теорема Гёделя о неполноте).

Развитие квантовой механики подтвердило невозможность объяснить природу сущего в рамках представлений об абсолютной предсказуемости и предопределенности явлений. Корпускулярно-волновая природа электрона делает невозможным одновременно однозначно определить его координаты и энергию. Концептуализация предела точности одновременного определения квантовых наблюдаемых нашла свое выражение в принципе неопределенности Гейзенберга. На глубинном микроуровне сама природа «отказывается» от однозначных траекторий, заменяя их статистическими, вероятностными распределениями.

В начале XIX века произошла «вероятностная революция» в естествознании, которая релятивизировала понятие «истины», отказавшись от возможности поиска абсолютного знания. Сущность этой онтологической неопределенности выразил П. Дирак в тезисе «природа делает выбор» (1990, с. 38). По мнению одного из основателей кибернетики Н. Винера, идея вероятности – меры достоверности случайного события – составляет основополагающую идею современной науки в целом. Вероятность выражает не только образ мышления в современном мире, но и переосмысливает онтологический статус случайности (Винер, 1958, с. 23-28). Как показал ученый Э. Лоренц (в рамках своей «погодной» модели атмосферной конвекции), классический детерминизм способен дать только краткосрочное представление о будущем поведении системы: крошечные изменения начальных условий ведут к экспоненциальному расхождению траекторий (так называемый «эффект бабочки»). В синергетике идея вариативной – статистической – природы детерминации заключена в представлении о сложности, нелинейности и нестабильности. В этом отношении синергетику, действительно, вполне резонно рассматривать как «оптимистический способ овладения нелинейной ситуацией» (Князева, Курдюмов, 1997, с. 71), способной к долгосрочным, но вероятностным прогнозам.

В XX веке становится очевидно, что понятие «неопределенность» занимает особое место в онтогенезе и филогенезе живых организмов. Случайные мутации (условная «генетическая неопределенность») являются условием возможности для естественного отбора, а выживание вида оказывается зависимым от способности организма к адаптации. Без этого механизма эволюция была бы невозможна. Мутации создают «пространство неопределенности», которое представляет собой резерв изменчивости на случай вызовов внешней среды. Ярче всего идея неопределенности проявила себя в рамках нелинейной динамики, синергетики и теории хаоса. В открытых системах, далеких от термодинамического равновесия, флуктуации и случайные отклонения не подавляются, а, напротив, могут усиливаться, становясь «точками бифуркации» – моментами выбора между возможными путями развития. В известной осциллирующей химической реакции Белоусова-Жаботинского мы обнаруживаем как хаотические колебания концентраций веществ внезапно порождают четкие пространственно-временные паттерны. Живые организмы также могут считаться диссипативными структурами, которые существуют и развиваются за счет обратных связей. В таких системах будущее принципиально непредсказуемо, но при этом не бесструктурно – оно определяется динамикой самой системы, а не только начальными данными.

Хаос не ведет к тотальному распаду, а служит механизмом перехода к новым формам порядка. Таким образом, неопределенность перестает быть угрозой, становится условием возможности новых траекторий развития. Более того, она оказывается фактором самоорганизации. Эта идея выходит за границы предметности естественных наук и проявляет себя на всех уровнях бытия: от формирования космических структур, до социальной динамики, где угрозы, кризисы и катастрофы (экономические, политические и т. д.) часто предшествуют возникновению новых структур. Примечательно, что здесь отмечается некоторый параллелизм с выводами древневосточных философских учений (например, даосизмом). Подобно тому как в теории хаоса случайные флуктуации могут привести к возникновению нового порядка, в даосизме «пустота» («сюй») и «беспорядок» рассматриваются как потенциальные источники нового. Недифференцированный хаос («хунь дунь») в философии даосизма определяет бытие (нет ничего, чтобы он в себя не включал), но сам по себе не представляет нечто единое, доступное для логико-рефлексивного познания (Торчинов, 1993). Современная философия постмодернизма (несмотря на свою неоднородность) также провозглашает когнитивный сдвиг, отказ от классических дихотомий (в том числе от дихотомии «порядок и хаос») в пользу плюрализма смыслов. «Складка», «гипертекстуальность», «ризоматичность» начинают рассматриваться как категории, которые преодолевают ограниченность оппозиций случайность-необходимость, причина-следствие, возможность-действительность и т. д. Активно развивающаяся объектно-ориентированная онтология (Г. Харман, Р. Брайнт, Т. Мортон, Я. Богост и др.) подчеркивает, что объекты «живут» своей жизнью (Gratton, 2020), а неопределенность их бытия (так как они отчуждены как от человека, так и от самих себя) есть их неотъемлемое свойство (Харман, 2021, с. 52).

Антропологический аспект неопределенности

Человечество достаточно давно прочувствовало мысль о том, что порядок нужно создавать, а хаос создается сам. Определенность, в свою очередь, также рождается из усилий, практически-преобразовательной и познавательной деятельности человека. Человек изначально оказывается погружен в неопределенность,

сталкиваясь с нестабильностью и изменчивостью действительности. Как замечает О. Н. Первушина, «в случае столкновения с неопределенностью состояние человека иное: он встречается с чем-то новым, неизвестным, неожиданным и не имеет возможных вариантов решения и поведения – эти варианты необходимо сначала породить, изобрести, а затем уже анализировать, взвешивать, выбирать» (2007, с. 12). При этом сам человек становится источником неопределенности. Получается, что человек строит себя из неопределенности, которую сам же и порождает. Ощущение принципиальной неполноты собственного бытия создает неопределенность в выборе. Условием возможности личностного роста оказывается выбор, который невозможен без признания онтологической неопределенности. Личность раскрывается только в ситуации неопределенности. По мысли Н. М. Урманцева: «Чем больше возможных вариантов выбора, тем большей неопределенностью характеризуется будущее вообще, тем большей свободой полагания обладает человек. Тем самым происходит усиление степени проблематичности бытия человека, вытекающее из его фундаментальной особенности – из неопределенности, отсутствия специализации и программируемости человека. Отсюда и постоянный веер возможностей (человек – имманентная “точка бифуркации”, постоянное определение (наделение пределом), означивание и выбор)» (2007, с. 120). Если бы человек был погружен в определенность, то вряд ли могла бы существовать проблема морального выбора и ответственности за его принятие.

Всякий коллективный или же индивидуальный опыт представляет собой опыт обнаружения и преодоления неопределенности. Отечественный философ А. А. Богданов, автор работы «Тектология: всеобщая организационная наука», справедливо отмечает, что все существующие объекты имеют определенный уровень организованности, а «всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей» (1989, с. 69). В этом смысле повышение уровня организованности сопровождается увеличением определенности, а ее снижение, напротив, ведет к неопределенности и хаосу. В этом смысле такие формы человеческой деятельности, как познание, труд и конечно же социальное взаимодействие, могут быть рассмотрены как снятие неопределенности (или борьба с энтропией). Философское или научное познание снижают когнитивную неопределенность через расширение наших знаний о действительности, а социальные институты минимизируют неопределенность через нормы, явные и неявные формы иерархии. Как справедливо отмечает И. Пригожин, «любые человеческие и социальные взаимодействия, а также вся литературная деятельность являются выражением неопределенности в отношении будущего» (1991, с. 48).

Использование слова «неопределенный» представляет собой завуалированную форму, в которой констатируется замешательство человека. «Чувство неопределенности» может быть когерентно психологической тревоге, аффективному, допонятийному переживанию запутанности, трудности и опасности. Многие исследователи отмечали, что неопределенность является одним из фундаментальных свойств сложности (Ниязимбетов, Абдулаева, 2018). Слово «замешательство» означает не только смущение, растерянность, но и нарушение устоявшегося порядка. Сталкиваясь с нарушением правильного хода вещей, человек обнаруживает, что привычное, простое имеет скрытые свойства и не столь очевидно и естественно, как это казалось ранее. Как полагает А. Валлон (1956), обращение к «невидимому» является существенным условием для работы интеллекта, поскольку формируются способы реагирования на обстоятельства, отличающиеся от непосредственного сенсомоторного действия. Кроме того, человек сам оказывается творцом неопределенности, которая еще больше стимулирует его познавательную деятельность. Сама деятельность по организации чего-либо неизбежно порождает новые формы неопределенности, которые в свою очередь также требуют актуальных способов ее преодоления (например, в новых механизмах управления).

«Допонятийные» формы неопределенности и способы ее преодоления

Мы уже отмечали, что концептуализация представлений о неопределенности находит свое место в рамках философии и науки. Однако было бы неверно рассматривать неопределенность исключительно как порождение логико-рефлексивной деятельности. Полагаем, что целесообразно выделять также «дологические», «допонятийные» формы неопределенности.

Дорефлексивный опыт человека, поток первичных впечатлений, составляющих основу «жизненного мира» человека (в духе Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти), является той самой неопределенностью, в рамках которой рождаются первые оформленные, организованные впечатления человека о мире. Так, мелькание звуков, цветов и тактильных ощущений для младенца есть пространство неопределенности, лишенное четких границ «бытие-в-мире» (Хайдеггер, 1997, с. 59). В этом смысле неопределенность всегда есть следствие разделенности (например, на «Я» и «Ты», на субъект и объект познания и т. д.), отсутствия цельности. Однако смутное переживание единства человека с миром (то, что Р. Роллан в письме к З. Фрейду назвал «океаническим чувством» (Цит. по: Фрейд, 2008, с. 197)) есть также и перцептивная недифференцированность и, как следствие, неосознаваемая неопределенность. Так, младенец «знает» мир через действие, опыт (то, что Ж. Пиаже (2004) называет сенсомоторным интеллектом), но он не знает неопределенности в ее логико-рефлексивном выражении.

В условиях первобытного, «дологического мышления» или «пра-логического мышления» (Леви-Брюль, 2020, с. 136) отсутствуют представления об однозначных причинно-следственных связях. Вместе с тем носители первобытного мышления не знакомы с понятием «случайность», место которого занимает мистическая сопричастность, связанность всех явлений и процессов. Первоначально человек стремился организовать свою деятельность и вместе с тем «снять» чувство неопределенности по отношению к результату с помощью мифов и ритуала, который составляет его практическую реализацию. Этиологические мифы, объясняя происхождение мира, вещей и явлений, упорядочивают мир, канализируют активность человека по отношению

к его устройству, иерархии. Строго установленная форма ритуала выходит за утилитарные границы и оказывается обращенной к миру символов. Скажем, многообразные охотничьи ритуалы, по сути, представляют собой способы борьбы человека с неопределенностью: человек заручался поддержкой у духов на охоте, заговаривал оружие, старался снять возможные для племени последствия убийства животного. В этом смысле ритуал принимает формы «технологии», которая трансформирует хаос в космос, а неопределенность в порядок. Хаотичное пространство в рамках ритуала упорядочивается, что создает видимость контроля над ситуацией, кодирующей будущий успех. Ритуалы, обращенные к охоте, рождению, смерти и т. д., фиксируют точки неопределенности (ввиду особой значимости событий), что требует строгости и однозначности ритуала, воплощенного в предсказуемом и контролируемом церемониале. Примечательно, что в условиях современности чисто ритуальные практики борьбы с неопределенностью активно мимикрируют под рациональные. На фоне объективных процессов социокультурного усложнения современности мы сталкиваемся с новыми формами неопределенности, для преодоления которых мы обращаемся к уже знакомым нам архаическим практикам.

Логико-рефлексивные формы неопределенности

По мере становления философии неопределенности противопоставляется логико-понятийное мышление, которое конструирует интеллигибельную действительность, живущую по законам разума («все разумное действительно, все действительно разумно») (Гегель, 1990, с. 53). Если миф объясняет мир через нарративы, то философия организует человеческую деятельность через понятия и категории. Философия в рамках концепта тождества бытия и мышления постулирует, что неопределенный и изменчивый чувственный мир может быть упакован в понятия, посредством которых разум открывает действительность. Классическая философия в этом отношении заинтересована в определенности, уверенности в проницаемости бытия для человеческого разума. Интеллигибельная действительность видится как совокупность знакомых и достижимых для разума идей и логических структур, которые вместе с тем не статичны (содержат в себе противоречие), способны к развитию (например, как диалектика Г. В. Ф. Гегеля).

Значимую роль в развитии представлений о неопределенности сыграла математика. Математика квантифицирует действительность, трансформирует в управляемые модели, которые можно использовать для ее описания. В этом смысле можно сказать, что математика – это своего рода «научный ритуал», который не просто описывает действительность, но создает пространство контролируемой определенности. Рисунок животного на стене пещеры – это не сам зверь, но его символ, который дает символическую власть над будущим. Математическое уравнение для расчета силы – это не сама «сила», а ее модель, которая позволяет предсказывать поведение объектов и, в свою очередь, зиждется на математических аксиомах, порядке действий и т. д. Примечательно, что развитие математики показало, что существуют границы формализации человеческого знания, так как любая формальная система содержит утверждения, которые недоказуемы и одновременно непроверяемы (уже упомянутая ранее теорема Гёделя о неполноте). Формальная логика также создает систему определенных правил, по которым понятия существуют и упорядочивают все возможное многообразие умозаключений. Однако развитие наук и математики стимулировало возникновение неклассических логик, которые являются многозначными и учитывают неопределенность (например, квантовая логика, созданная Г. Биркгофом и Дж. Фон Нейманом) (Яшин, 2023).

Классическая философия и наука противопоставляют себя неопределенности. Однако развитие науки и философии постепенно возвращает нас к размышлениям об онтологической неопределенности и ее роли в познании. Системный подход, кибернетика и синергетика способствовали формированию междисциплинарного подхода к роли неопределенности в исследовании неорганических, органических и социокультурных систем. Неклассическая философия (например, постструктурализм) делает ставку на дискурсивность, процессуальность и непредсказуемость бытия, отрицая наличие жестких иерархических структур. Возникает необходимость поиска стратегий существования в условиях неопределенности, стратегий масштабирования действительности в ситуации усложняющихся социотехнических структур.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что неопределенность является фундаментальным свойством действительности, охватывающим все уровни бытия – от микроскопических, квантовых процессов, изучаемых естественными науками, до макросоциальных динамик, изучаемых социальными науками. Вместе с тем некорректно редуцировать представления о неопределенности к онтологическим и логико-рефлексивным формам. Феномен неопределенности охватывает как когнитивную сферу, так и сферу жизненного мира человека, проявляясь как значимый аспект его деятельности, экзистенциального выбора и т. д. Принятие неопределенности требует переосмысления традиционных онтологических моделей и классических эпистемологических стратегий, смещая фокус с поиска абсолютных истин к обоснованию диалогического мышления, ориентированного на сложность и многообразие.

В настоящее время неопределенность по-прежнему находится в ряду значимых философских и научных категорий. Более того, XXI век делает неопределенность не досадным исключением, а неизбежностью, вызовом (в том числе экзистенциальным) для человека и человечества. В рамках современной науки понятие «неопределенность» занимает значимое место в естественнонаучной и социотехнической картинах мира. Вместе с тем неопределенность (в отличие от классического линейного детерминизма) так и не получил однозначной интерпретации. С одной стороны, следует признать, что отсутствие определенности является источником

разного рода опасностей, катастроф как для человека, так и для человечества. Будущее по мере интенсификации темпов научно-технического развития становится все более неоднозначным, можно сказать, даже пугающим. С другой стороны, вглядываясь в неопределенность, человечество формирует продуктивные стратегии самоорганизации, деятельности, которые помогают лучше понять настоящее и прошлое. Принимая неопределенность как онтологическую данность, человек не капитулирует перед случайностью и хаосом, а учится с ними взаимодействовать посредством деятельности (в том числе ритуальной), логико-философской рефлексии, науки, осуществляя поиск баланса между организацией и дезорганизацией. Можно сказать, что человек во все времена «достраивается» из неопределенности. Ритуал не только снимает страх перед будущим, сколько развивает способность человека к символизации, артикуляции действительности, расширяет представления о человеческой деятельности. Философия и наука в стремлении к определенности бытия и познания в еще большей степени расширяют границы познавательной деятельности человека через логико-рефлексивную деятельность, квантификацию действительности. Пространство неопределенности – это пространство возможностей: когнитивных, практических и, конечно же, экзистенциальных. Человек оказывается в пространстве выбора своего будущего, актуализации своих потенциальных возможностей. В настоящее время можно сказать, что человек, вопреки экзистенциальному страху перед хаосом, вынужден признать: именно в «разрывах» определенности рождается свобода, творчество и сама возможность будущего.

Перспективы дальнейшего исследования неопределенности лежат в плоскости углубленного междисциплинарного анализа, который объединит философскую рефлексию с актуальными достижениями современных наук. Такой подход позволит создать комплексные модели неопределенности, расширить теоретические горизонты, предложить практические решения для вызовов (от экологических и геополитических, до экзистенциальных), порождаемых XXI веком. В первую очередь, актуальным представляется углубленное изучение онтологического и эпистемологического статуса неопределенности в контексте современных научных парадигм (включая квантовую механику, теорию хаоса и синергетику). Антропологическое измерение неопределенности открывает перспективы для изучения ее роли в процессах принятия решений (в том числе и для создания релевантных моделей ИИ), что требует синтеза философского анализа с достижениями современных нейронаук.

Источники | References

1. Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. К. – СПб.: УЦИММ-Пресс; Алетея, 1999.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
4. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. Кн. 1.
5. Валлон А. От действия к мысли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
6. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Наука, 1990.
8. Гераклит Эфесский: все наследие / на языках оригинала и в рус. пер.; крат. изд.; подгот. С. Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
9. Дирак П. Воспоминания о необычной эпохе: сб. статей. М.: Наука, 1990.
10. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3.
11. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с фр. Б. И. Шаревской. М.: Академический Проект, 2020.
12. Лурье С. Я. Демокрит. Л.: Изд-во Наука, 1970.
13. Майоров Г. Г. Дунс Скотт как метафизик // Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / сост. и общ. ред. Г. Г. Майорова. М.: Изд-во Францисканцев, 2001.
14. Можейко М. А. Неодетерминизм // Всемирная энциклопедия: Философия / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. – Мн.: АСТ; Харвест; Современный литератор, 2001.
15. Ниязимбетов М. К., Абдулаева М. Н. Философия неопределенности в контексте сложности // Paradigmata Poznani. 2018. № 3.
16. Ополев П. В. Человек в условиях социокультурной сложности // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2. № 3 (29).
17. Первушина О. Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1. Вып. 1.
18. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004.
19. Пригожин И. Философия неопределенности // Вопросы философии. 1991. № 6.
20. Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / пер. с латин. и вступ. статья С. Ошерова; сост. И науч. подгот. текста М. Гаспарова; коммент. С. Ошерова и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1986.
21. Современный философский словарь / под. общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2020.
22. Стюарт И. Случайный Бог или божественная случайность? Математика неопределенности / пер. с англ. Н. А. Шиховой. М.: Лаборатория знаний, 2021.
23. Торчинов Е. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
24. Урманцев Н. М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 2.

25. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2008. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии.
26. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.
27. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.
28. Яшин Б. Л. Неклассические логики в современной науке // Философская мысль. 2023. № 1.
29. Gratton P. Interviews with Graham Harman, Jane Bennett, Tim Morton, Ian Bogost, Levi Bryant and Paul Ennis // Speculations I / ed. by P. J. Ennis. Punctum Books, 2020. <http://doi.org/10.21983/P3.0343.1.00>

Информация об авторах | Author information

Ополе́в Павел Валерьевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Омский государственный технический университет

Pavel Valerievich Opolev¹, PhD

¹ Omsk State Technical University

¹ Pvo-sinergetica@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.03.2025; опубликовано online (published online): 24.04.2025.

Ключевые слова (keywords): жизненный мир; неопределенность; феномен неопределенности; социотехнические системы; антропология неопределенности; life-world; indeterminacy; phenomenon of uncertainty; socio-technical systems; anthropology of uncertainty.